

ОБ ОДНОМ ИЗ ИСТОЧНИКОВ ПО ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫЧЕСТВА

Н. В. Жилина

В работе автором предложено исследование отдельных изображений из зерни и скани, как знаков или символов, связанных с языческими представлениями славян.

Понимание ряда изображений на древнерусских украшениях, как знаков или символов, связанных с языческими представлениями славян, часто встречается в научной литературе. Обоснование возможности такого понимания является частью концепции Б. А. Рыбакова о славянском язычестве в целом¹.

Следует отметить, что противоположный взгляд не отражен в литературе достаточно подробно.

Высказываемые же в устных дискуссиях сомнения и возражения по поводу трактовки отдельных изображений из зерни и скани, как сохранивших остатки символических композиций, связанных с языческими верованиями, были достаточно многочисленны².

Целью данной статьи является ответ на эту критику.

Возражения сводились к следующим трем позициям. 1) недоказуемость смыслового содержания; 2) недоказуемость именно предлагаемого смыслового содержания; 3) оценка рассматриваемых композиций с чисто эстетической точки зрения как видов орнаментальных построений, заполняющих определенную геометрически-организованную плоскость, и отрицание в них смыслового содержания.

При построении эволюционных рядов украшений со сканью и зернью мы обратили внимание на процесс постепенного упрощения композиций, вписанных во второстепенные орнаментальные зоны украшения. Далекое не во всех случаях круг или подтреугольная часть украшения заполняются наиболее эстетически соответствующим образом (представляют собой точный без излишеств ответ на геометрическую форму пространства). Орнаментальные изображения, находящиеся в начале эволюционных рядов, часто значительно более сложны, и эта сложность не обусловлена ни формой предмета, ни формой его части, ни связью с орнаментацией на других частях украшения.

Без символики обошлась бы реалистическая картина, изображающая языческие представления о мире, или реальное изображение какого-либо обряда (будут изображены только предметы-символы, участвующие в обряде). Примеров таких изображений почти нет. Можно привести лишь изображения небесных колесниц, запряженных птицами³. При изображении идола (Збручский) реально изображается его четырехликая голова (мы узнаем, что он выглядит примерно так), но система представлений, связанная с ним, передана на столбце символично, так что остается нам непонятной, вызывая появление различных трактовок.

Следующей стадией является изображение отдельных персонажей, связанных с языческим представлением о мире, или обрядов с помощью их опреде-

ленных символов, но при этом символы изображаются достаточно реалистично. Пример — радимичская подвеска с головой быка, символически передающая обряд туриц⁴.

Попробуем представить языческий символ в системе представлений А. Ф. Лосева о структуре символа⁵.

Символ солнца является одним из наиболее общих, простых и не вызывающих возражений, поскольку каждый человек, начиная от ребенка и кончая современным исследователем, изобразил бы солнце в виде центра с отходящими равномерно во все стороны лучами (рис. 1).

По А. Ф. Лосеву символ — это, во-первых, смысл вещи, которую он констатирует и модельно порождает. Смысл солнца для нас в том, что это источник жизни на Земле. Лучи, расходящиеся от точки, направленные повсюду, порождают представление именно о таком смысле, и ни о каком другом. Чтобы у нас появилось представление о каком-либо другом источнике света или тепла, нужен уже другой символ с другими изобразительными деталями. Если мы что-либо убавим от простейшего символа солнца, то такое изображение уже не породит полного представления о солнце. Например, три луча, отходящие от точки, либо точка или круг без лучей.

Во-вторых, символ — это обобщение. Источник жизни — это обобщение в понимании солнца, в нем не отражены такие его качества, как жаркое и палящее солнце, создающее пустыни, и иногда уничтожающее ту же жизнь. В символе взято общее, главное, а не конкретные количественные проявления солнечного тепла.

В-третьих, символ — это закон вещи. Солнце творит жизнь. В символе не отражены конкретные проявления этого закона: рост растений, распускание цветов, благотворное влияние на человеческий организм.

В-четвертых, символ — закономерная упорядоченность вещи, ее модель, структура. Реальное солнце состоит из: 1) источника света и тепла; 2) расходящегося во все стороны света и тепла. В символике также две части: центр и лучи, соединенные вместе нашими актами символизации. Отдельно они не являются символами целостного солнца.

В-пятых, символ — внутренне-внешнее выражение сути вещи. Источник жизни выглядит как источник животворящих лучей от точки. Внешний облик выражает внутреннюю суть, которую ни с чем перепутать невозможно.

В-шестых, символ — знак, который вызывает у нас более сложную систему представлений о солнце, обозначая: не отраженный в нем рост растений; благо для человека; знание о солнце как о центре солнечной системы; представление о его трехфазности (восход, зенит и закат). Некоторые изображения являются уже не символами, а символическими картинками, то есть символами не солнца, а отдельных сфер его проявления (например, три солнца на пряхках, или трехбусинное кольцо с солярными знаками, как символизация трехфазности).

В-седьмых, символ — отвлеченная идейная образность, тождественная с вещью. Эта идейная образность (распространение тепла и света, источник жизни) может быть вся почувствована как образ, порождаемый только созерцанием символа. Это то, что реально несет изображение, сохраняющее структуру символа. Эта образная суть, реально сохраняемая художественным изображением, иногда даже и не похожим по внешней форме на символизируемое, может быть понята и без какой-либо конкретики, при отсутствии наших знаний о предмете, несущем символ. Мы вправе опираться здесь на свою способность к образному восприятию вещей и изображений. К этой части нашего сознания и адресован символ.

Он ориентирован на общее, это общее — и в нас. Эту общечеловеческую способность мы и осмелимся назвать одним малоиспользуемым источником для изучения языческих представлений. Малоиспользуемым, но много критикуемым и даже отрицаемым.

Стремление к буквальной расшифровке изображений критикуется справедливо. Мы действительно не знаем всей сложности представлений древних. Однако, по мысли А. Н. Афанасьева, она была не только сложна, но и не постоянна и взаимозаменяема⁶. Отметим, что неправомерно понимать любую работу с изображениями-символами, как их «расшифровку».

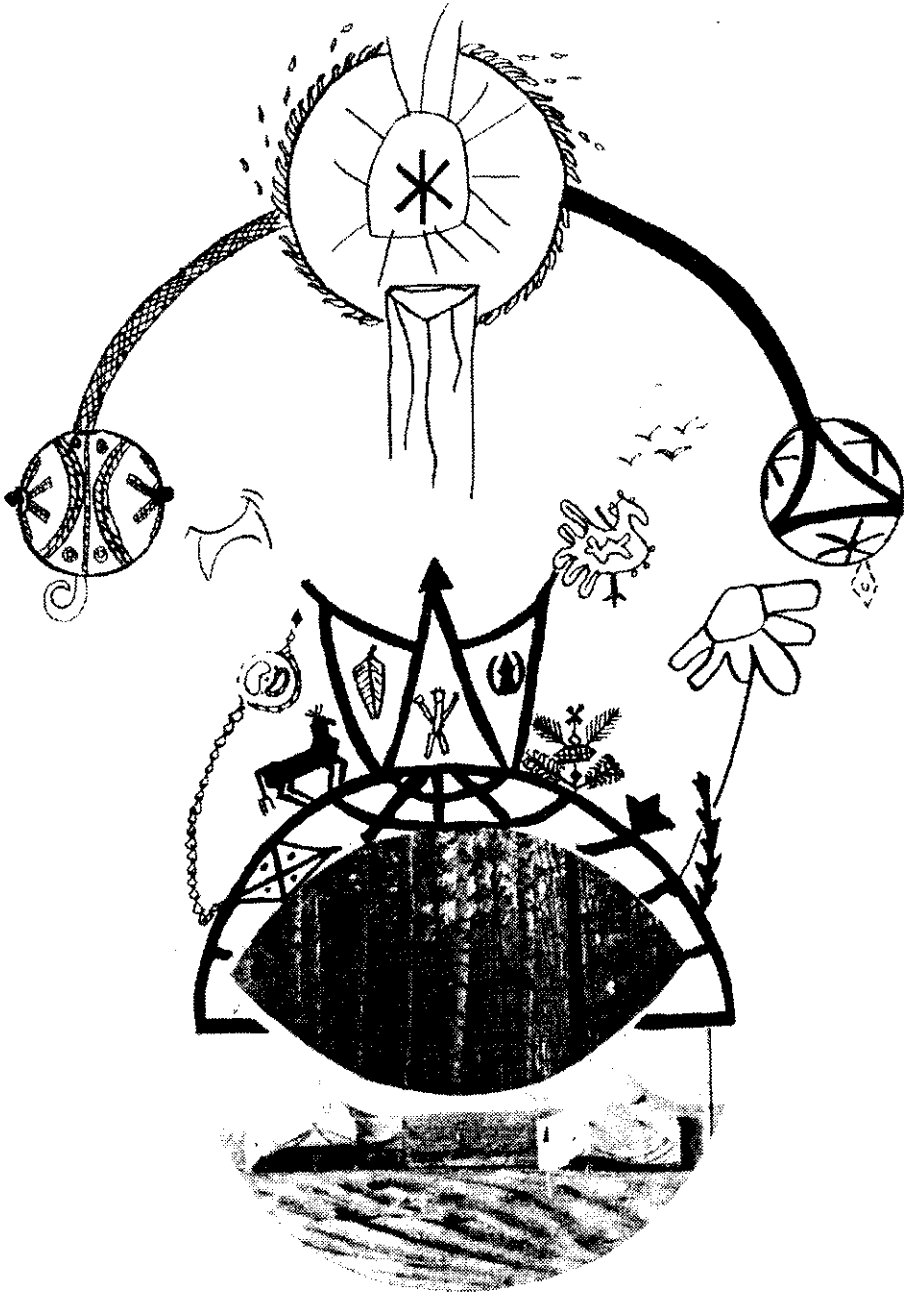

Рис. 1. Символ солнца и связанная с ним система представлений. (Использованы изображения, встреченные в археологических материалах разных эпох, русских народных вышивок, а также детские рисунки Саши Жилина в возрасте от 3 до 6 лет).

В качестве ответа на возможную здесь критику мы остановимся на определенном пределе понимания: на характеристике образно-идейной сути символического изображения. То есть, ограничим наше понимание символа отнесением его только к определенной сфере символизации языческих представлений: сфера символизации плодородия, сфера символизации рождения человека, сфера символизации благословения пространства. Может быть, удачнее говорить об общей сфере символизации благословения роста рождения и процветания всего живого.

Исходя из предыдущего анализа, ясно, что символ, являющийся высшим семантическим отображением, должен обладать изображением, характеризующимся постоянством, независимостью от других изображений, определенной автономностью и неразрушаемостью, входит ли он в символическую картину или в орнамент. Если это символ, стремление сохранить его изображение должно присутствовать, и, следовательно, может быть увидено нами.

Попытаемся выделить такие черты орнаментальных изображений (на примере изображений со сканью и зернью), которые позволяют предполагать символику и знаковость композиций или их элементов, а иногда, лишь остатки семантического значения.

На наш взгляд, это могут быть следующие черты: 1) проработанность деталей изображения, невоспринимаемая при общем взгляде на украшение (рис. 2, *I*, композиция на колоколовидной верхней части рясна); 2) нанесение орнаментов на незаметные участки (рис. 2, *IIб*, донная поверхность колоколовидной части рясна); 3) непонятная разница в орнаментации или орнаментальном членении однотипных или связанных композиционно частей украшения (рис. 2, *I*, разница в орнаментации центральной и боковых цепочек рясна; рис. 2, *IIа, б*, несовпадение в делении на подтреугольные части верхней и донной поверхности колоколовидного рясна); 4) сохранение изображения, несмотря на технологические неудобства (рис. 2, *IIIа* — стремление нанести треугольники зерни на бусину полуажурной конструкции; *IIIб* — нанесение сканого перекрестья с зернью на полностью ажурную бусину); 5) сложность и нерациональность орнаментальных схем, их неполная орнаментизированность (рис. 3).

Иногда в распоряжении исследователя имеется возможность сравнения анализируемого изображения со смысловым прототипом. В качестве подобных прототиповых изображений используются изображения русских народных вышивок. Мы также предприняли попытку определить смысловые прототипы для скано-зерневых композиций колоколовидных рясен, опираясь именно на композиции вышивок⁷ (рис. 2, *IVа*). При рассмотрении простых композиций цепочек колоколовидных рясен нам показалось довольно ярким и красноречивым сравнение их с орнаментальным решением значительно более ранних алтариков для жертвоприношения первых плодов. Ценность данного прототипа в том, что алтарь несомненно участвовал в обряде, связанном с магией плодородия. Изображение на верхней прорезной крышке алтарика полностью совпадает с изображением верхних бляшек центральной цепочки рясна. Изображение на нижней части алтарика полностью совпадает с изображением на нижних бляшках цепочек (рис. 2, *IVб*). Совпадают не только сами изображения, но и последовательность их нанесения сверху вниз.

Учитывая известное нам назначение алтарика, мы вправе предполагать на колоколовидных рясах отражение созвучных с магией плодородия представлений славянского язычества. По Б. А. Рыбакову ромб с точками в ячейках — это знак засеянного поля⁸. Изображения на верхних бляшках цепочки (как и на крышке алтарика) напоминают семядоли. Можно сомневаться в этих конкретных отождествлениях, но вряд ли кто-нибудь схематически изобразит засеянное поле по-другому; нельзя не отметить также и тот факт, что именно изображение предполагаемых семян выделено на центральной (более «защищенной») цепочке рясна. Обратим внимание на композицию колоколовидной части. Множество композиционных аналогий ей найдется в русских вышивках. Б. А. Рыбаков понимает подобное изображение как изображение двух Рожаниц с отображением их генетической связи: Рожаницы, Мать и Дочь.

Изображение показывает соподчиненность двух схематических женских изображений, явное главенство верхнего. Если мы откажемся от конкретики, то отнесем суть изображенного к сфере символизации рождения одного существа другим. Рождение человека ли, растения ли воспринимается человеком как чудо, исследователь это, или ребенок (табл.). Способность признать чудесность этого и отражается в изображениях, встреченных на древнерусских изображениях, и в представлениях эмоционального современного ребенка⁹.

Мы вряд ли сможем понять, почему колоколовидный верх рясна разделен на шесть частей, а донная часть — на семь. Со временем это стало непонятным и древнерусским людям, и число делений уравнилось. При созерцании этих

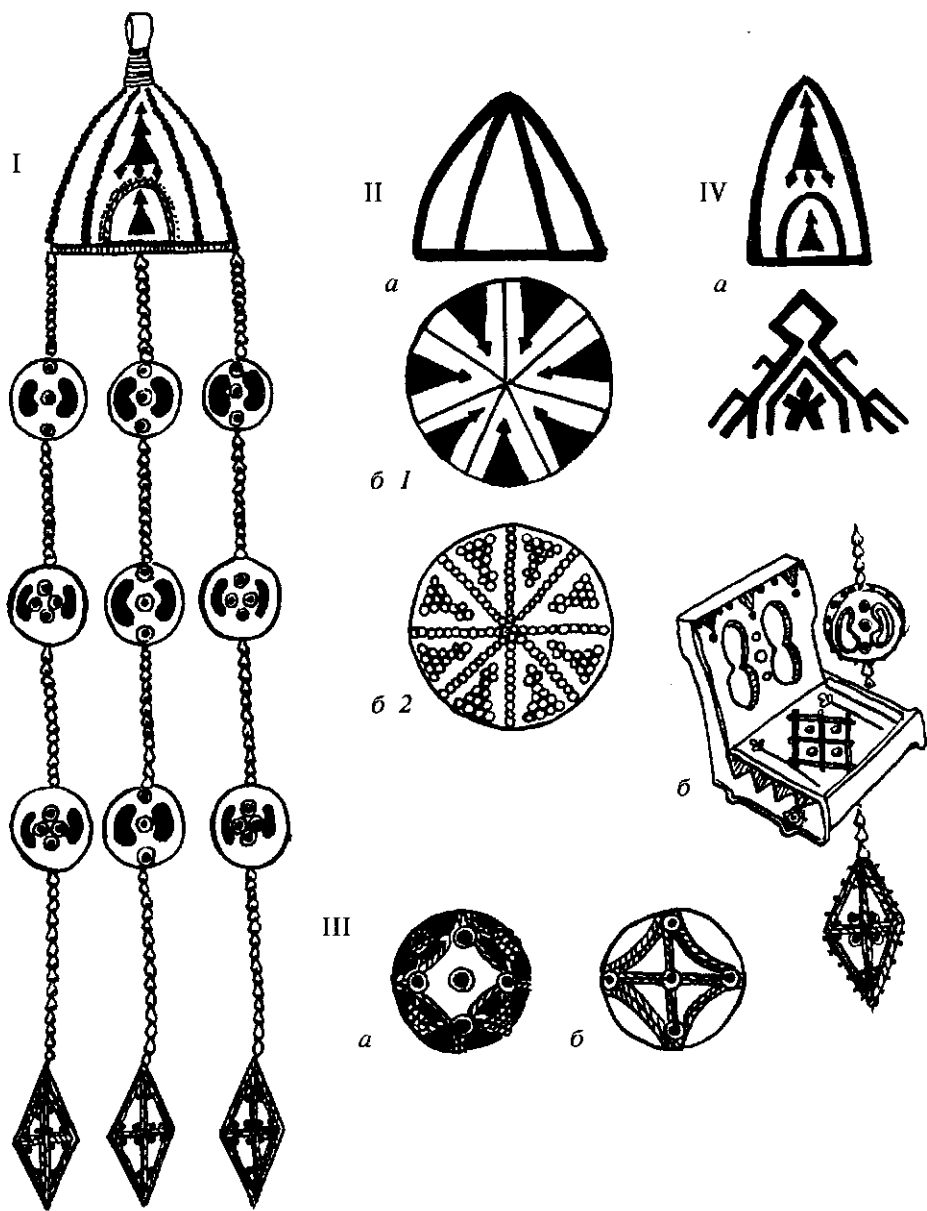

Рис. 2. Признаки смысловых композиций. I. Детализация изображения и несовпадение орнаментации однотипных частей. (Рясно из старорязанского клада 1868 г.) II. Несоответствие орнаментального членения верхней и донной поверхностей колоколовидного верха: а) деление конического верха на 6 частей (вид сбоку 1/2 подвески); б) деление донных поверхностей с орнаментацией на 7 частей (б1 — рясно из м. Мартыновка в Украине) и на 8 частей (б2 — рясна из Старой Рязани). III. Сохранение орнаментации, несмотря на технологическое неудобство: а) бусина трехбусинного украшения из киевского клада 1885 г. (ус. Есикорского), «ажурные» треугольники зерни; б) бусина трехбусинного украшения с ажурным перекрестьем из скани и зерни. IV. Сходства изображения со смысловым прототипом; а) сверху — изображение на рясне, внизу — на вышивке; б) неолитический алтарь для жертвоприношения первых плодов и бляшки цепочек колоколовидных рясен.

орнаментальных схем у нас не может возникнуть всего многообразия и полного объема представлений древних. В данном случае можно не ставить такой задачи.

Но не следует и отказываться от того, что является общим для нас и древних: образного восприятия и отображения видимого. Наше ощущение и наше чувство — также источник при понимании древних изображений.

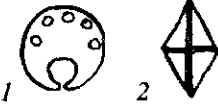
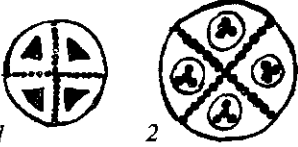
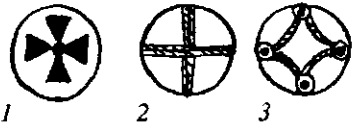

	а) предположение о смысловом содержании	б) чисто эстетическое решение
1		
2		
3		
4		
5		
6		

Рис. 3. Крайние точки (семантика и эстетика). Композиции из зерна и скани на украшениях. 1. Центральная розетка лучевого колта: а) Тверь, б) Старая Рязань. 2. Колоколовидный верх рясна: а) м. Мирополь (Украина), б) Старая Рязань. 3. Бляшки колоколовидных рясен: а) м. Мартыновка (Украина), б) Новгород, Старая Рязань. 4. Бусы трехбусинных украшений (а1, б) и бусина-«пуговица» из сахновского клада (Украина)(а2). 5. Бусы ожерелий (Старая Рязань). 6. Наконечники оправ крестиков (Старая Рязань).

Мы вполне можем предположить (почувствовать), что внешний облик колоколовидного рясна (небесный купол и струи добра, тепла или воды, льющиеся с неба) и его орнаментальные композиции на всех частях соответствуют сфере языческих представлений, связанных с культами рождения и плодородия.

Мы скажем так мало, и достаточно много: изображения, связанные с языческими верованиями древних славян, на украшениях с зернью и сканью есть.

Наряду с логическими рассуждениями и конкретными сопоставлениями, мы можем опираться и на собственное образно-чувственное восприятие орнаментального изображения, ставя при этом определенный предел при переходе к конкретным отождествлениям.

ОБРАЗНО-СУЩНОСТНОЕ СОДЕРЖАНИЕ В КОНКРЕТНЫХ ОПРЕДЕЛЕНИЯХ		
композиции		
Рожаницы: Мать и Дочь Генетическая связь между ними Старшая рождает младшую	Тетя-Солнце Дочка-Травка Мальчик-Листик	Рождение нового поколения чудесных существ
Исследователь Б. А. Рыбаков	Ребенок (7 лет)	Общее

Примечания

¹ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян.— М., 1981; Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси.— М., 1987; Городцов В. А. Дако-сарматские элементы в русском народном творчестве // Труды ГИМ.— М., 1926.— Вып. 1.— С. 7—36; Даркевич В. П. Символы небесных светил в орнаменте Древней Руси // СА.— 1960.— №4.— С. 56, 57; Чернецов А. В. Древнерусские знаки небесных светил // КСИА.— 1986.— Вып. 187.

² Мы имеем в виду дискуссию по поводу нашего доклада на Международном симпозиуме в Звенигороде, посвященном изучению славянского язычества, в 1994 г.

³ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян...— С. 345.

⁴ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси...— С. 665—668.— Рис. 118.

⁵ Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство.— М., 1976.— С. 36, 37.

⁶ Афанасьев А. Н. Древо жизни.— М., 1983.— С. 23, 24.

⁷ Жилина Н. В. Зернь и скань Древней Руси и русская народная вышивка // Живая старина.— 1996.— №3.— С. 24—28.

⁸ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян...— С. 49—51; Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси...— Рис. 99.— С. 575.

⁹ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян...— С. 486. Использовано высказывание Жилина Саши, выражающее впечатление от весеннего леса, освещенного солнцем.

Н. В. Жилина

ПРО ОДНЕ З ДЖЕРЕЛ ПО ВИВЧЕННЮ ЯЗИЧНИЦТВА

Розуміння деяких зображень на давньоруських прикрасах, як знаків чи символів, що пов'язані з язичницькими уявленнями слов'ян має дискусійний характер.

Автором запропоновано аналіз орнаментальних зображень із зерні та скані, виходячи з характеру внутрішньої структури символа, та власного образно-чуттєвого сприйняття. Визначено необхідність встановлення певної межі при переході до конкретних ототожнень.

N. V. Zhilina

CONCERNING ONE SOURCE FOR STUDYING HEATHENISM

Comprehension of certain images on old Russian adornment signs or symbols associated with heathen ideas of the Slavs is rather disputable.

The author suggests the analysis of ornamental images made of grains and scan basing on the pattern of the inner structure of a symbol and imaginary-sensitive perception of the author. It is proved to be necessary to outline certain border, when making particular generalization.